

Райкин А

2/IX-86

2 СЕН 1986

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Аркадий Райкин:

ЛЕГКОЙ И УДОБНОЙ ПРАВДЫ НЕ БЫВАЕТ

Процесс коренной перестройки жизни набирает темпы, вскапывает все более и более глубокие пласты в трудовой и духовной сферах жизнедеятельности советских людей. Время потребовало полноты правды, непримиримости, бескомпромиссности в борьбе со злом. Сегодня гласность — основной принцип во взаимоотношениях партии и государства с народом. О миссии художника в этой обстановке размышляет народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Аркадий Исаакович Райкин — выдающийся мастер сатиры, посвятивший свой талант страстному обличению всего негодного, косного, противоречащего нашим идеалам, нашему образу жизни.

САТИРИК — профессия, требующая особого мужества. Мы всегда на передовой, в войне и с теми, кто становится объектом нашего внимания, и кто узнает себя в том или ином персонаже, и кто боится признать себя таковым и быть узнаваемым другими, а потому всеми силами и средствами старается умерить наш критический пыл.

Сорок семь лет существует театр, которым я руковожу, и все годы каждый выход на сцену — риск, опасность получить «пулю в спину» и как-то последние тяжелого ранения — инфаркт.

Иные считают сатирика клоуном, фиглярком, предназначение которого смешить публику. А для этого-де он выскидывает разных моральных уродов, стараясь показать действительность в неприглядном виде, зло поиздеваться над недостатками. Значит, надо запретить насмешнику порочить, оскорблять «свой народ». Поверьте, далеко не всегда весело и уютно нам, сатирикам: ведь какими только стрелами не забрасывают.

Какие препятствия чинили мне в каждой новой работе: запрещали, снимали номера, обвиняя во всех смертных грехах. Будто слово сатирика — единственный источник информации (в нашей стране и за рубежом) о творческих безобразиях, об ошибках и недостатках. Дескать, допустимо ли? Как посмотрят на нас там, за кордоном, что подумают, что напишет зарубежная пресса, короче говоря, по-грибоедовски — что скажет княгиня Марья Алексевна?

Когда после спектакля организовывалась пресс-конференция, мне часто задавали один и тот же вопрос: «Как вам разрешили?» (остро критический монолог или миниатюру). И никому не приходило на ум спросить меня, а как я сам себе разрешил подобное? Как отважился? Ведь правда не бывает легкой и удобной. Но я говорил ту горькую правду, которая меня волнует, и не ради смеха, ради добра боролся со злом. Мой закон жизни — не молчать, чтобы кому-то угодить, потрафить; честность и совесть не позволяли и не позволяют действовать по принципу «моя хата с краю».

Вот и приходилось все время быть в боевой готовности. Когда я занимал определенную позицию в отношении к бюрократу, со стороны их, бюрократов, и иже с ними чиновников, тоже до смерти боящихся критики, сыпались самые оскорбительные обвинения в «антисоветчине». А почему, собственно говоря, решили, что бюрократы — это Советская власть? И все же огромная стойкость потребовалась, чтобы выстоять под напором и силой «блустителей порядка» в искусстве, в художественном творчестве.

Вообще, сколько разговоров велось вокруг разговоров. И каждый раз я узнавал про себя что-то «новенькое». Была у меня миниатюра, где я рассказывал, как один деятель собирается совершить поездку в Париж. «Что тебя тянет в Париж?» — спрашивал его партнер. — А у нас ты не насмотрелся?». И пошло, и поехало! Такие подтексты усмотрели в этих словах: ага, недоволен нашими порядками, захотелось в Париж, и прочее, и подобное.

Чувство патриотизма — самое высокое и благородное чувство. В наши времена гордость за то, что ты гражданин Советского Союза, — главная черта всех честных людей, населяющих нашу прекрасную страну. Только совсем не надо об этом кричать на каждом углу, митинговать, не нужны лозунги, клятвы, ложный пафос, к которым у нас выработалось излишнее пристрастие. Убежден, они куда менее действительны и впечатляющи, чем прямые, правдивые, идущие от сердца слова, и не только о том, что у нас прекрасно, но и о том, что еще не удалось сделать.

Поменьше формализма, поменьше пустых фраз! Взгляните, что представляет наглядная агитация, стелды, щиты на площадях и улицах, световые рекламы, придорожные лозунги на шоссе, при въездах в населенные пункты, города. Повсюду правильные слова, но такие бездушные, «обязательные». Болезнь инерции — иначе не охарактеризуешь это! Ведь пропаганда сейчас значительно сложнее, чем все мы думаем. Она не приемлет и не терпит сегодня никаких «лобовых» приемов. Многократным повторением громких слов ничего не сделаешь. Кажется, все, кроме пропагандистов, помнят основной закон диалектики — количество неизменно переходит в качество, а то качество, в которое переходит количество при лобовом методе, льет воду лишь на мельницу врагов. Сейчас надо думать о том, как общаться с людьми, как заставить их прислушиваться, вникать, верить сказанному.

Как-то на Северном Кавказе мне бросилась в глаза надпись на придорожном щите, которая гласила: «Водитель! У тебя дома дети». И все, но как врезалась она в память. Значит, можно находить такие слова, которые привлекают внимание каждого, трогают и ум, и сердце, потому что в них человечность, гуманность. Мелочь? Думаю, нет: чья-то добрая инициатива, добрая выдумка — в наши дни они крайне полезны и нужны. И вообще, пропагандист — такая же сложная профессия, требующая абсолютной точности и тонкости, как профессия сталевара, — он не имеет права ошибаться ни на йоту!

Сатира — тоже пропаганда. И мне, моим коллегам нельзя применять лобовые приемы, нельзя брать тривиальные темы, давно превращенные проблемы. Пустой номер! Только не могу согласиться с формулой, которая с чьей-то легкой руки закрепилась за эстрадой — «утром в газете, вечером — в куплете». Возможно, для куплетистов она вполне пригодна. Однако, если сатирик станет придерживаться ее, результат окажется ничтожным. Мы должны раньше других заметить, распознать в делах какого-то персонажа опасные для общества явления, мешающие, портящие жизнь. Потому такой испуг перед сатириками — много видим и много понимаем. Кому-то это очень не нравится. А ведь мы должны являться своего рода провидцами, предусматривать, что будет.

Не могу сказать, что то было «предвидение», но во всяком случае мой «герой» — пьяница-посетитель «грецкого» зала «Эрмитажа» появился много лет назад. Какое возмущение

хозяйственников и экономистов. Зато с завидным упорством ежевечерне дикторы телевизионного пользования электроэнергией: «Выключайте лишние источники света!». Между прочим, электровыключатель стоит намного дешевле, чем выплачиваемая зарплата за телевизионное время, потраченное на эти короткие, изо дня в день повторяемые фразы.

Я часто убеждаюсь, что с удивительной легкостью относимся все мы к государственному карману. Разве непомерно раздутая управленческая «машина» по руководству искусством не подтверждение тому? Если взгромоздить дома всех учреждений, руководящих искусством, одно на другое, верхние этажи окажутся в космосе, откуда ничего не видно, что творится на Земле. И в каждой из контор руководители искусства — выше рангом, ниже: начальники, их заместители, инспектора, просто сотрудники. Все получают зарплату, все пищут бумаги — приказы, инструкции, положения, в каждом учреждении — всяк на свой лад. А нас, исполнителей, не так уж много, и нередко не знаешь, в какую сторону и поворачиваться...

Сегодня во всех областях хозяйственной, экономической, социальной жизни старые представления, старые методы, понятия никак не приемлемы. Поставлена серьезнейшая задача интенсификации, ускорения развития во всех сферах деятельности, в том числе и в области идеологии, культуры. А новые скорости требуют и новый «машинный парк», и новых «водителей» — высоких профессионалов, подлинных знатоков своего дела. У нас, ни для кого не секрет, пока в этом плане дело обстоит далеко не блестяще. Могут утвердить на том или ином участке человека, ни одним фактом своей биографии не соответствующего назначению. Каких же можно ждать результатов от подобной расстановки кадров? И опять я вспоминаю свой монолог на такую тему в одном из спектаклей, который тогда посчитали «надругательством» над действительностью. А нынче пожинаем плоды многие годы существовавшей системы «хозяйствования».

Прошлое? Но ведь и сегодня я замечаю немало сюжетов для критики. К примеру, никому, уверен, не удастся меня убедить в том, что финансист, будь он самый светлый ум, должен и может решать, как оплачивать труд и артисту, и врачу, и педагогу, и инженеру, и истопнику, и дворнику. Не может, потому что необходимо досконально знать специфику работы каждого из них. Вот и получилась бурно поразжающая диспропорция: дворник оказывается в лучшем материальном положении, чем врач, чем учитель общеобразовательной школы. Нормально ли? Основной закон социалистического общества — от каждого по способности — каждому по труду. Как же часто нарушается этот принцип!

Сейчас в стране повсеместно во всех учреждениях, организациях проводится аттестация. Хочется верить, что она коснется не только рядовых и полурядовых, но и начальников — директоров, управляющих, министров.

Потому что случается в нашей жизни, что от одного бюрократа от искусства зависит иной раз судьба многих людей, целого коллектива. Сколько мы знаем примеров, когда на протяжении долгих месяцев, а то и нескольких лет шла работа над кинолентой, затрачены большие государственные средства, а в результате он, бюрократ, спокойно кладет этот фильм в «рабочем порядке» на полку и замораживает на долгие годы, если не навсегда.

Только диву даешься беспечности в обращении со средствами, отпускаемыми государством: был в столице на площади Журавлева Театр имени Моссовета. Хорошее здание имел, оборудованное по всем правилам театральной строительной техники. Коллектив получил другое помещение, а то, которое раньше принадлежало ему, с купеческой щедростью даровали под клуб ламповому заводу. Вот ведь как!

Мы же маемся уже сколько лет, потому что у нас нет здания. И тоже полнейшее головоустройство — иначе не могу назвать сложившуюся ситуацию. Нам перестраивают (почти пять лет!) помещение бывшего кинотеатра «Таджикстан», а буквально рядом, на площади, уже почти возвели новый кинотеатр с двумя просмотровыми залами. Истрачены огромные деньги потому, что при перестройке понадобился совсем новый проект: необходим и гардероб (кстати сказать, только сейчас, спустя едва ли не пятилетие, составляются чертежи для него), нужны репетиционный зал, актерские уборные, помещение для студии звукозаписи, декорационные, пошивочные мастерские, помещение для хранения декораций и все прочее, полагающееся в каждом театре. Годы идут, строительство подвигается в полном смысле этого слова черепашьими шагами. Мы же пока перевезаем из помещения в помещение, выступаем на разных площадках. Каждые гастроли в другом городе связаны с огромными расходами, потому что везем за собой все имеющееся ко всем нашим постановкам оформление, дорогостоящую аппаратуру.

И никому никакого дела до этого нет, никто ни перед кем не отвечает за безобразную волокиту!

Сейчас, в атмосфере борьбы с безответственностью, бюрократизмом, подобное выглядит по меньшей мере странно. Тешу себя надеждой, что виной тому некоторые руководители из тех, что попали ныне в сонм «бывших». О них мы читаем едва ли не каждый день в газетах — «бывший управляющий», «бывший министр», «бывший руководитель научно-исследовательского института», «бывший секретарь райкома партии» и их помощники и приближенные. Надо сказать, с великим сожалением я узнаю в них «героев» своих спектаклей и миниатюр. С сожалением, потому что, значит, не добился своевременно результатов, недокритиковал. Безусловно, сейчас они в другом обличье — костюмы по новой моде, головные уборы, прически иные, изменили походки, повадки. А человеческая сущность все та же: кто бюрократ, кто приспособленец, хапуга, взяточник, очковтиратель...

Так что сатирикам в этой радующей атмосфере изменившегося отношения к критике широчайший простор для творческого поиска сюжетов и персонажей.

Фото В. Плотинова.

108